

Фокс Ральф

**Английская колониальная
политика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р20

Р20 **Ральф Ф.**
Английская колониальная политика / Фокс Ральф – М.: Книга по Требованию,
2025. – 80 с.

ISBN 978-5-521-28491-7

ISBN 978-5-521-28491-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

колонией, и ее феодальные деспотии были еще достаточно сильны, чтобы дать отпор иностранной интервенции.

Следствием английского завоевания было уничтожение деревенской общины при одновременном сохранении феодальных методов эксплуатации. Методы колониального грабежа привели к некоторой ломке старых социальных отношений в Индии.

Маркс так описывает это разрушение общины: «Эти маленькие стереотипные формы социального организма в большей своей части разрушены и исчезли с поверхности Индии не столько благодаря brutальному вмешательству британских сборщиков податей и британских солдат, сколько благодаря действию английских паровых машин и английской свободы торговли. Эти семейные общины жилились на домашней промышленности, при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли, — комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющий характер. Английское вмешательство, помещая прядильщиков в Ланкашир, а ткачей в Бенгалию, или сметая с лица земли как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей, разрушило эти маленькие полудварварские, полудивилизованные общины, уничтожив их экономический базис и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией...

Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории в совершении этой революции»¹.

Маркс подчеркивает, что эта социальная революция, что этот насильственный подрыв старого экономического уклада Индии был произведен посредством грабежа и насилия.

Политика Ост-индской компании в Бенгалии и в других областях в XVIII и в начале XIX в. представляла собой настоящий грабеж: она просто выкачивала из Индии все богатства, которые попадались ей под руку, ничего не давая взамен. Ограбление Индии приносило огромные барыши компании и, рядом с африканской торговлей рабами, составляло один из основных источников первоначального накопления британской буржуазии, помогая ей совер-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 350.—352.

шить промышленную революцию и построить современное капиталистическое фабричное производство.

В конце XVIII и в начале XIX в., победивши Францию, англичане переключают все свое внимание на новую колонию — Индию, реорганизуя всю поземельную систему таким образом, чтобы непосредственная эксплуатация крестьянских масс находилась либо в руках английского правительства, либо его агентов — новопосаженных помещиков. Никто не дал лучшего описания этой «аграрной революции», чем это сделал Маркс в своих статьях в «Нью-Йорк Трибюн». Поэтому мы воспроизводим это место целиком:

«Главная масса дохода получается с земли. Так как о разных типах индийского землевладения написано в последнее время очень много и притом в популярной форме, то я ограничусь здесь по этому вопросу немногими общими замечаниями о земиндарстве и системе бессрочных мелких арендаторов (Ryotware).

Земиндарство и система бессрочной крестьянской аренды были двумя аграрными революциями, произведенными по английским указам и противоположными друг другу по своему характеру. Одна была аристократической, другая — демократической, одна — карикатурой на английский лендлордизм, другая — на французскую систему крестьянской собственности. Но обе были равно губительны, обе таят в себе величайшие внутренние противоречия, обе произведены не в интересах крестьян, обрабатывающих землю, и не в интересах ее держателей, чью собственность она составляет, а в интересах правительства, ее облагающего.

Введением земиндарской системы население бенгальского президентства было сразу лишено своих наследственных прав на землю в пользу туземных сборщиков налогов так называемых *земиндаров*. Введением системы бессрочной аренды в мадрасском и бомбейском президентствах туземная знать с ее притязаниями на землю (марасси, джаджирдары и т. д.) была низведена вместе с простыми крестьянами на степень владельцев небольших участков, обрабатываемых ими для сборщиков податей Ост-индской компании. Но мало похож на английского лендлорда этот земиндар, получающий только одну десятую долю дохода, а остальные девять десятых отдающий правительству. И мало похож на французского крестьянина индийский райот, лишенный всяких постоянных прав на землю и облагаемый поборами, меняющимися каждый год в зависимости от собираемого им урожая. Первоначальный класс земиндаров, несмотря на то, что он беспощадно и бесконтрольно расхищал земли бесправной массы бывших наследственных владельцев, вскоре

сошел со сцены под гнетом Компании, и его место заняли торговые спекулянты, владеющие теперь всей землей в Бенгалии, за исключением земель, которые обрабатываются непосредственно правительством. Эти спекулянты создали разновидность земиндарской системы, получившую название *патри*. Недовольствуясь ролью посредников по отношению к английскому правительству, они создали класс «наследственных» посредников, названных *патнетас*, которые, в свою очередь, имеют субпатнетас и т. д., так что возникла настоящая иерархия посредников, всей своей тяжестью наваливающаяся на несчастного земледельца. Что касается бессрочной крестьянской аренды в Мадрасе в Бомбее, то этот порядок быстро выродился в систему принудительных полевых работ, и земля потеряла всю свою ценность. «Земля, — говорит г. Кемпбелль, — была бы продана за недоимки сборщиками налогов, как в Бенгалии, если бы не то существенное препятствие, что никто не хочет покупать ее».

Мы имеем, таким образом, в Бенгалии сочетание английского лендлордизма, ирландской системы посредничества, австрийской системы, превращающей лендлорда в сборщика податей, и азиатской системы, по которой действительным землевладельцем является государство. В Мадрасе и Бомбее мы имеем французского крестьянина-собственника, который в то же время является крепостным и арендатором-исполщиком (*metayer*) государства. Недостатки всех этих разнообразных систем нагромождаются друг на друга и не смягчаются ни одним из их положительных свойств. Мадрасский и бомбейский крестьянин является, подобно французскому крестьянину, жертвой лихоимства частных ростовщиков, но у него нет никаких наследственных, постоянных прав на землю, как у французского крестьянина. Подобно крепостному, он должен обрабатывать землю в принудительном порядке, но он не обеспечен, как крепостной, от нужды в самом необходимом. Подобно арендатору-исполщику, он должен делить свой продукт с государством, но государство не обязано снабжать его в виде аванса средствами, как это обычно делается по отношению к исполщику. Как в Бенгалии при земиндарской системе, так и в Мадрасе и Бомбее при системе Ryotwage крестьяне (а они составляют $\frac{1}{12}$ всего индийского населения) подверглись ужасающей пауперизации; и если они не упали в моральном отношении так же низко, как ирландские *cottiers* (мелкие крестьяне), то лишь благодаря индийскому климату, ибо у южан меньше потребностей и больше воображения, чем у северян» ¹.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 342—344.

Итак, англичане разрушили старую индийскую систему землепользования, частично экспроприировали старых землевладельцев, но вместо того чтобы освободить крестьян от оков феодализма, подобно тому как их освободила аграрная революция в капиталистических странах, англичане интенсифицировали докапиталистические формы эксплуатации, отдали индийскую деревню на разграбление феодалам-помещикам и торгово-ростовщической буржуазии. Система землепользования, созданная старой Ост-индской компанией, остается в силе в большей части Индии и до настоящего дня.

Ежегодно Ост-индская компания выкачивает в Англию большие суммы в золотых слитках, плоды эксплуатации индийских масс. Все эти большие суммы идут в карманы акционеров, на содержание бюрократической машины в Лондоне, на обучение офицеров, на армию, которую компания содержит в Индии.

Торговые компании, из которых самой могущественной была Ост-индская, являлись основой английской колониальной политики в первый период капиталистического развития страны. Этим компаниям была дана монополия торговли в разных колониях при полной поддержке со стороны правительства, которое позволяло им содержать свою собственную армию и флот.

Колонии в этот период были для английского правительства прежде всего источником первоначального накопления. Английское правительство не позволяло своим колониям создавать промышленные предприятия и запрещало им вести торговлю с другими странами. Например английские колонисты в Америке были обязаны вывозить свои товары в Англию на английских кораблях и вдобавок платить колоссальные налоги своему правительству. Эти стеснения зарождающейся буржуазии молодой американской колонии способствовали нарастанию американской революции 1776 г., в результате которой после одержанной военной победы над английскими войсками была провозглашена буржуазная республика США.

Английская колониальная политика в своем первом периоде, приблизительно в XVI—XVIII вв., была одним из основных путей первоначального капиталистического накопления¹.

Маркс следующим образом резюмирует сущность колониальной системы за этот первый период:

«Колониальная система способствовала тепличному росту тор-

¹ Этот процесс отнюдь не ограничивался колониальной периферией, но также захватывал трудящееся население и самой метрополии («огораживание», законы о бедных и т. д.)

товли и судоходства. «Gesellschaften Monopoliа» («общества-монополии», выражение Дюгера) были мощными рычагами концентрации капитала. Колонии обеспечивали рынок сбыта для вновь возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал...

В настоящее время промышленная гегемония (преобладание) влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда та выдающаяся роль, которую в то время играла колониальная система. Это был тот «неведомый бог», который воссел на алтаре наряду со старыми богами Европы и в один прекрасный день одним толчком выкинул их всех из святилища. Колониальная система провозгласила обогащение последней и единственной целью человечества»¹.

Таким образом английская колониальная политика этого периода была политикой первоначального накопления. Но в отличие от грабежа испанских конкистадоров в Южной и Карибской Америке и от грабежа португальцев в странах бассейна Индийского океана она проводилась страной, несравненно дальше других продвинувшейся по пути капиталистического развития и пережившей уже буржуазную революцию 1640 г. Таким образом английский колониальный грабеж не только подготовлял, но непосредственно питал капиталистическую индустриализацию метрополии, создавал предпосылки дальнейшей эксплуатации колоний уже как рынков сбыта и источников сырья. Разгром общины и захват политических и экономических командных высот в Индии также ускорял и облегчал этот процесс. Монополия колониального грабежа, завоеванная в жесточайшей войне с Испанией и Португалией в XVI и XVII вв., с Голландией и Францией в XVII в., была одним из решающих моментов создания промышленной гегемонии Англии и превращения ее в «промышленную мастерскую всего мира».

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА 1815—1895 гг.

Эпоха промышленного капитализма внесла новые моменты в колониальную политику. С начала промышленной революции в Ан-

¹ Маркс, «Капитал», изд. 8-ое, т. I, стр. 605.

глии, создавшей современное капиталистическое общество, примерно с 1760 г. вплоть до середины XIX в. новая промышленная буржуазия, добываясь политической власти, боролась против правящего блока лендлордов и представителей торгового капитала. С эпохой промышленного капитализма старая протекционистская система должна была уступить дорогу принципу свободной торговли, свободной конкуренции. Англия заняла положение „мастерской мира“, продающей свои товары на рынках всех стран, вывозя оттуда взамен продукты питания и сырье. Это положение Англия удержала до второй половины XIX в.

Британская империя продолжала захватывать новые территории, главным образом в Африке и Индии. В 1814 г. англичане завоевали Капскую колонию, в 1843 г. Наталь сделался английской колонией, а в 1849 г. Южноафриканская голландская республика у реки Оранже была силой отнята у голландских фермеров. Английские владения укреплялись и расширялись, особенно в Индии. В 1843 г. Синд сделался частью британских владений, а две войны против сикхов Пенджаба (1845 и 1849 гг.) окончились завоеванием этой богатой земледельческой области. Война с Бирмой в 1852 г. привела к захвату этой страны. Английский вице-король лорд Далгауси (1840—1856) захватил пригодные для возделывания хлопка земли многих индийских князей — Ауд, Берар и пр.

В результате ряда полупиратских набегов англичане укрепились на Малайском полуострове и на острове Сарвака, а в 1841 г. китайцы были принуждены открыть свои гавани для торговли опиумом, экспортируемым Ост-индской компанией из Индии, а в качестве компенсации за сопротивление принять этот «дар» ядовитого снадобья они должны были отдать англичанам остров Гонконг, доминирующий над крупным портом Кантоном.

Одержав при Ватерлоо победу над наполеоновской Францией и разделившись с последним серьезным соперником на поприще колониального грабежа, обладая сильнейшим флотом и командующим положением на всех путях мировой торговли, опираясь на свою промышленную гегемонию, британское правительство могло провозгласить своим официальным лозунгом — мир и воздержание от дальнейших колониальных захватов. Это был лозунг самого молодого и мощного капиталистического государства тогдашней Европы, деспота мирового рынка, едва приступившего к серьезному освоению своей, созданной еще в XVII в. колониальной империи.

Апостолы Манчестера, Брайт и Кобден, на словах порицали политику колониальных завоеваний на том основании, что она

без надобности повышает издержки производства. Дизраэли, этот первый герой империализма, назвал колонии «жерновами на нашей шее». Тем не менее в действительности Брайт и Кобден решительно поддерживали кровавое подавление индийского восстания 1857 г., а Дизраэли сделался идолом буржуазии вследствие своей «передовой» политики в борьбе за Индию против России. Маркс с язвительным презрением характеризует политику радикальной буржуазии того времени следующими словами: «Лозунгом этой партии в ее борьбе против старых английских учреждений—этого продукта устаревшего, быстро уходящего в прошлое периода социального развития—является: *«производить как можно дешевле и устранить все faux frais (непроизводительные издержки) производства»*...

Королевская власть со своим «варварским блеском», со своим двором, своим «цивильным листом» и толпой лакеев принадлежит к числу *faux frais* производства. Нация может производить и обменивать продукты без короля, поэтому—долой корону! Синектуры дворянства, Палата лордов—все это *faux frais* производства. Большая постоянная армия—*faux frais*. Колонии—*faux frais*... Англия сможет с меньшими затратами эксплуатировать чужие нации, если она будет с ними жить в мире»¹.

Как мы видели это не помешало однако необычайно быстрой экспансии Британской империи. Лицемерная манчестерская буржуазия, в утонченных демократических фразах нападавшая на грубые методы аристократии, проводила политику крови и железа против рабочего класса у себя дома. Вместе с тем в этот период произошли изменения в самих методах колониальной эксплуатации. Внеэкономические методы не исчезли, но были дополнены и расширены. Прежние функции колоний—обогащение привилегированной части буржуазии посредством выжатых из этих колоний налогов и развитие торговли предметами роскоши—дополнились новой ролью колоний, а именно: представлять собой крупный рынок для продуктов индустрии, а также источник сырья и дешевых пищевых продуктов для наемных рабов английских фабрик. Ввоз английских хлопчатобумажных изделий в Индию разрушил местную мануфактуру, уничтожил прежнее соединение промышленности и земледелия внутри деревенской общины. В то же самое время захват земель у феодальных князей и крупных землевладельцев в пользу нового «чумазого» лендлорда из торговцев

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 9—10.

и ростовщиков создал недовольство среди этого класса, быстрое разорение крестьян, не только потерявших землю и вынужденных обрабатывать и уплачивать колоссальные налоги Англии, а также ренту помещику, неуверенность в будущем среди духовенства и феодалов, помнивших об экспроприациях последнего столетия, — все это создало благоприятную почву, на которой выросло индийское восстание 1857 г.

Это крупнейшее восстание против британского империализма началось в Бенгалии и быстро распространилось по северным и центральным провинциям.

Сипайское восстание было освободительным движением, направленным против английского господства и грабежа, движением за независимость Индии. Маркс называл его национальным восстанием. Его движущими силами были массы крестьянства и городской бедноты Северной Индии, шедшие однако в силу не дифференцированности классовых отношений за феодально-поповским руководством. Князья и смещенные англичанами феодалы, вроде наследника махратского королевства Нана Сагиба или княгини Джанси — Рани Лакшми Баи, — подняли восстание против английского господства лишь для того, чтобы вернуть свои княжества и поместья, конфискованные англичанами у «благородных ленд-лордов» и попавшие в руки новых «чуждых лендлордов» из купцов, ростовщиков, чиновников и т. д.

Английское правительство жестко расправилось с восставшими крестьянами и ремесленниками, заключив одновременно союз с реакционным руководством восстания — феодалами и жрецами.

В 1858 г. Ост-индская компания была официально ликвидирована, и власть над Индией перешла непосредственно в руки английского правительства, которое стало проводить политику быстрого освоения Индии как рынка сбыта и источника сырья. Были построены железные дороги, однако они не предназначались для развития производительных сил Индии, а только для облегчения экспортной торговли и военных целей. Железные дороги строились за счет трудящихся масс Индии. Английские подрядчики и собственники облигаций пригоршнями извлекали верную прибыль при проведении железных дорог, и даже «неподкупное» индийское гражданское ведомство нажило себе «маленькое состояние» благодаря новому «развитию».

Главной целью англичан при постройке железных дорог в Индии было связать тысячью стальных нитей аграрную страну Индию с мировым рынком, приспособить ее к нуждам английской промышленности. Железные дороги, оросительные сооружения

не только не улучшили положение основных масс деревни, но еще более ухудшили его. Вместе с тем они были толчком к дальнейшему развитию капитализма, расслоению деревни и выделению кулацкой верхушки. Будучи принуждены производить на своей земле технические культуры для рынка, крестьяне были уже не в состоянии производить пищевые продукты. У них появлялась все большая и большая нужда в деньгах, не только для того чтобы платить налог за воду, увеличенный поземельный налог, арендную плату, но часто и для того чтобы покупать себе пищу, которую раньше они сами себе производили. Нужда в деньгах заставляет их обращаться все чаще к ростовщику.

В Бенгалии, где в середине прошлого века джута был самой распространенной культурой (Бенгалия была поставщиком джута всего мира), крестьяне были обложены такими высокими налогами, что у них не стало никакого интереса заниматься земледелием. В этой провинции иго земиндаров с их пирамидой субарендаторов сделалось невыносимым, и во время восстания в 1857 г. бенгальские крестьяне открыто выступили не только против англичан, но и против земиндаров и их агентов. Англичане принуждены были издать закон (1859 г.), согласно которому земля закреплялась за арендаторами, владевшими ею в продолжение 12 лет, а также запрещалось поднимать арендную плату без специального разрешения суда.

Что же было достигнуто бенгальским законом об арендаторах и последовавшими за ним другими законами?

Капитан Трозер, описывавший период восстания, пишет об этом законе следующее: «Многим из тех, которые требовали ее (устойчивости аренды), суждено было однако почувствовать разницу между признанным правом и реальными фактами».

С помощью разных уверток и обструкций земиндары в очень многих случаях умудрились повысить взимаемую ими арендную плату и наполнить свои карманы, явно пренебрегая новым законом. Они попрежнему продолжали беспрепятственно эксплуатировать массы арендаторов, произвольно облагаемых непомерной арендной платой.

Законодательство об аренде носило явно реакционный характер: оно оставляло в неприкосновенности феодальную собственность помещиков-земиндаров, в то же время разбивало крестьянство на ряд групп с различными правами, затрудняло тем самым революционное сплочение крестьянских масс и сеяло в их среде иллюзии о возможности реформистским, мирным путем улучшить свое бедственное положение. Одновременно права постоянной и вечной арен-

ды, предоставленные было крестьянам, быстро скупались торговцами, ростовщиками, чиновниками и т. д. Тем самым к лестнице паразитов-рентополучателей добавлялся новый ярус эксплуататоров.

Вильфред Блент дает следующее описание бенгальского земиндара в своей книге «Индия при Рипоне» («India under Ripon»). Один типичный земиндар, которого Блент хорошо знал и навещал, имел годовую ренту в 50 тыс. фунтов стерлингов. Однако он платил магарадже, который был действительным собственником двух третей его имущества, ежегодно 15 тыс. фунтов и кроме того платил налогов правительству около 16 тыс. фунтов, так что ему оставался чистый доход в 20 тыс. фунтов. У этого земиндара были субарендаторы разных степеней и наконец настоящие земледельцы.

Правительство, получив предостережение в 1857 г., с величайшим упорством проводило политику поддержки всех реакционных элементов в стране: туземных князей, духовенства, крупных и средних землевладельцев, ростовщиков и купцов. С их помощью выжимая из крестьян весь добавочный продукт и оставляя туземным паразитам часть награбленного, британские владельцы привлекают на свою сторону верных союзников внутри страны.

Английские колонизаторы сохранили в Индии феодальные и полуфеодальные методы эксплуатации, стремясь ограничить эту страну ролью аграрно-сырьевого придатка к промышленности самой метрополии. В то же время способствуя насильственному внедрению товарно-денежных и отчасти капиталистических отношений, колониальный режим не мог не вызвать к жизни те классовые силы, которые возглавят революцию, направленную как против колониальной эксплуатации, так и против феодально-помещичьей опоры английского господства.

В середине XIX в. начал быстро расти спрос британской промышленности на сырые материалы, особенно на хлопок. К тому же, вследствие гражданской войны в Америке в 1860—1865 гг., Англия была на долгое время отрезана от своего главного источника снабжения хлопком. Вместе с тем население индустриальных центров быстро возрастало, и сельское хозяйство метрополии не могло уже обеспечить достаточным количеством дешевых пищевых продуктов английских рабочих. Поэтому англичане заставили Индию значительно увеличить посевные площади. Пенджаб вскоре занял второе место по снабжению Англии пшеницей. Вывоз ржи и других пищевых продуктов быстро возрос. Английская буржуазия с помощью ее союзников — индийских помещиков, купцов и ростовщиков, посредством своих железных дорог и оросительных кана-